

Журналист Андрей Евгеньев добивается реабилитации

Журналист Андрей Евгеньев освобожден из колонии, где отбыл трехлетний срок по «народной» статье 228 УК РФ («Хранение и распространение наркотических средств»).

Сам Андрей считает, что наркотики ему подкинули – как и его коллеге Ивану Голунову.

Если бы не поддержка коллег, то Андрей, по его признанию, мог бы пойти по стопам героя фильма «Текст» (по сюжету фильма, после освобождения молодой человек отомстил полицейскому-мажору, который подбросил ему наркотики).

Добиться реабилитации Евгеньева – дело чести для всех нас. Хотя высший суд уже наказал двоих полицейских, которые его задерживали. Лейтенант Иван Поляков получил три года условно за побои и угрозы убийством своей жене, а майор Вячеслав Горнеев (был начальником уголовного розыска из ОМВД «Щукино») уволен из МВД за серию ужасающих фото, на которых он вместе с девушкой позирует в морге на фоне изуродованных тел.

Евгений отбыл свой срок от звонка до звонка, потому что не признал вины (увы, это условие для освобождения условно-досрочно). О том, что он увидел за решеткой, и о своем деле – **Андрей Евгеньев** в откровенном интервью обозревателю «МК».

«Хороший удар, начальник!»

– Андрей, давай с самого начала. Опиши, что произошло в день твоего задержания три года назад в Москве

– Это было в районе метро «Октябрьское поле» (к тому времени я

уже четыре месяца как переехал из Иванова, где работал на ВГТРК, в Москву и устроился на телеканал «Звезда»). Я шел от знакомого, говорил по телефону со своей девушкой Катей. И тут подлетели два молодых человека в штатском. «Стоять, не двигаться! «Руки вперед!» Как из пулемета они выстреливали свои запугивающие команды. Я оторопел. Но потом вспомнил важный момент. В тот день мне сказали, что меня берут в группу военных корреспондентов, так что я решил: а вдруг это какая-то проверка на предмет, как я себя поведу в экстремальной ситуации? И до прибытия в ОВД «Щукино» я так и думал.

– Но почему именно вас задержали?

– Я вышел от своего знакомого, а из него (это я потом понял) хотели «высосать» деньги». Я попался под горячую руку. Любой другой тогда мог быть также задержан – девушка, старик...

Любопытный момент: когда меня везли в ОВД, за рулем был полицейский Иван Поляков. Мы едва не врезались. Я потом думал: лучше б врезались, тогда бы им не удалось все это повернуть со мной. А Поляков потом попался, и его вообще уволили из МВД. А еще позже против него возбудили уголовное дело за побои и угрозы убийством.

В отделе полицейские сказали, что мой друг – барыга, и что они за мной следят уже полгода (а я в Москву, напомним, приехал только четыре месяца назад), и что у них вся переписка по поводу покупки наркотиков (а в моем телефоне только про музыку и про встречу с товарищем). Ну, думаю, у них факты не совпадают, наверное, это все недоразумение. И тут Иван Поляков залезает своей рукой мне в карман и – хоп! – вытаскивает кубик коричневого цвета. А потом уже мне запихнули в два кармана каких-то наркотиков. Экспертиза показала, что это спайсы. Вещества, от которых с ума сходят, из окон выпрыгивают. Я был редактором телеканала и чуть ли не круглые сутки правил тексты, общался с журналистами. Как я мог курить при этом спайс? Это же бред, безумие!

– Вы не говорили, что вы журналист?

– Уже избитый, с надетыми на меня наручниками, я кричал:

«Оборотни! Я вас засажу, я этого так не оставлю! Я журналист». На что мне Горнеев отвечал с ухмылкой: «Ты теперь не журналист. Ты теперь наркоман». И громко позвал: «Заводите понятых!»

Потом мне один из полицейских тет-а-тет сказал примерно так (открыв при этом ящик стола, где лежало «зелье»): «Вот тебе 300 граммов наркотика и меченые деньги. Дашь их приятелю и потом скажешь, что он тебе продал. Мы его, барыгу, задержим, а с тобой еще репортаж снимем об этом».

– Что происходило дальше?

– Меня избивали те же, кто задерживал, а также один из них руководил. Били меня долго, часа полтора. Один бил в солнечное сплетение, душил и так чередовал. Потом бил в пах. Ну и, конечно, они рассчитывали, что я от боли соглашусь признаться во всем. Но я стоял на своем. А он продолжал бить и приговаривал, что меня изнасилуют сейчас. Если честно, страшнее было не когда бил, а когда именно сексуальным насилием угрожал. Я думал: неужели до этого дойдет? К счастью, не дошло. Подчиненные приговаривали: «Хороший удар, начальник! Еще один хороший удар!»

Все камеры видеонаблюдения в отделе, как оказалось, в тот день не работали. Потом я узнал, что за две недели до этого также избили студента Никиту Михеенко. Ему в отличие от меня удалось правильно зафиксировать побои.

– А вам почему не удалось?

– Меня не повезли в травмпункт, хотя весь пах у меня был фиолетовый и в крови. Ночь провел в «обезьяннике» ОМВД «Щукино», а потом уже попал в ИВС «Строгино». Начальник изолятора, когда увидел меня, стал причитать, что это подстава. Он отпаивал меня чаем, обещал, что в ИВС никто меня пальцем не тронет. Государственный адвокат, когда пришел, требовал зафиксировать побои, но его никто не слушал.

Хорошевский суд сразу избрал меру пресечения в виде содержания

под стражей на 2 месяца. Меня привезли в СИЗО №3. Как только я попал туда, также показал раны между ног и кровь на нижнем белье. Но мне на это ответили, мол, что документов о побоях не представлено и это я сам себе мог нанести пять минут назад. Потом мы добились возбуждения уголовного дела по статье «Превышение должностных полномочий». Но оно до сих пор в отношении неустановленных лиц (хотя всех полицейских я опознал на очных ставках!), и я прохожу свидетелем, а не потерпевшим. Как будто били не меня! Я не знаю, что с этим делом сейчас. Следствие не очень спешит его расследовать.

«Гадить будешь под себя»

– **Как вас в СИЗО встретили?**

– Пресненские (СИЗО-3 называют «Пресненским централом») сотрудники, которым я также с самого первого дня твердил о моей невиновности, меня сразу успокоили: мол, если я уже тут, то точно осудят. Сидельцы мне тоже с ходу говорили: «Расслабься, ты дома, это теперь твой дом на неопределенный срок» и пророчили мне три года с учетом того, что я первоход (ранее не был в заключении) и весь такой правильный (когда узнавали, что я журналист, награжден двумя медалями и т.д.).

Определили на карантине в самую «глухую» камеру, то есть там дольше всего держат до распределения. Я хотел официально объявлять голодовку, но меня отговорили с обеих сторон: «Тебя упакут, через капельницу кормить будут, пристегнутым к шконке, гадить будешь под себя, а в итоге ничего никому не докажешь».

– **Принудительно в СИЗО не кормят, говорю вам как правозащитник.**

– Но я тогда же не знал этого. Жаль, что я повелся на страшные байки.

Было страшно первое время, ведь меня стращали во время избиения тем, что определяют в тюрьме в пресс-хату, где меня

будут пытаться и насиловать, пока я не сделаю то, что им нужно. Я объяснил ситуацию бывалым зэкам из соседней камеры, с кем успел познакомиться, и на прогулке они меня чуть успокоили, сказав, что тут такого нет, но чтоб я не расслаблялся и уши не развешивал. И вот когда меня ночью повели в камеру (где я прожил первые 9 месяцев), я все равно готовился к последнему бою... Открываются «тормоза» (двери камеры), и я вижу картину: дымный полумрак, стены и потолок с голым бетоном и люди. Больше 20 человек, которые окружили вход в камеру. Ну все, думаю, я попал. Говорят: «Не стой на пороге, заходи». Делаю шаг внутрь с «рулетом» (свернутым матрасом) и вещами – и тут же с грохотом захлопывается дверь. Сразу замечаю, что, как и на карантине, тут полный интернационал. Меня зовут за стол: кто, за что? Потом сам так встречал не один десяток вновь прибывших.

– Меру пресечения вам не изменили?

– Ни разу. На моей памяти никого не отпускали под подписку или домашний арест.

Прикол расскажу: однажды судья Рагимова написала в постановлении о мере пресечения, что основанием для ареста является: «виновен в совершении тяжкого преступления». То есть суда по существу дела еще не было, а она уже написала, что виновен! Она потом исправила ошибку. Но для меня это было как знак, что правды я не добьюсь.

Был такой момент – я подготовил речь на очередном заседании по продлению. Зачитывал его всей камере (заклученным понравилось, они, к слову, там в основном были реальные преступники). У меня эта «телега» где-то сохранилась, но вот вкратце, что там. «Уважаемый суд! Прошу не менять мне меру пресечения, ибо мне очень нравится в СИЗО. Я каждый день учусь чему-то новому у сокамерников – например, как угонять машины, как правильно красть, учусь искусству карманника и прочим другим. К тому же недавно у одного сокамерника обнаружили туберкулез, его увезли, но я тоже хочу познать, что это такое». Адвокат в

итоге не дала зачитать это шутивное обращение, сказала, что меня могут отправить в психбольницу «Бутырки».

Вообще всякий малый этап из СИЗО до суда и обратно – это, с одной стороны, отдельный вид приключения с новыми знакомствами и встречами, а с другой стороны, абсолютно кромешный ад и отдельный вид пытки. Начну с плохого. Выезд в суд для всех в начале седьмого утра. А возвращаешься в лучшем случае часам к девяти вечера. И в камеру родную можешь вернуться вообще только под утро. Когда все одновременно закуривали в автозаке, я чуть сознание не терял, потому что воздуха вообще не было.

Вспоминаю с неким внутренним диссонансом, что по возвращении из суда почти всегда была мысль не «поскорее бы это все кончилось», а «поскорее бы на шконку упасть». Настолько изматывающими и мучительными были эти поездки. Когда возили на «продленки» с Пресни, держали не в судебном боксе, а в битком набитом «воронке» (не автозаке, а «Газели», где есть «обезьянник» на четверых (а комфортно более-менее там максимум вдвоем) и вроде пара «стаканов» – будто бы одиночных камер, а на самом деле шкафов с металлическими табуретами). И вот в таких условиях нас держали весь день, пока всех не продлят.

«Вы не волнуйтесь, сын скоро повесится!»

– Как родители отреагировали на ваш арест?

– Они были в ужасе. Я даже не могу представить себе всего, что они пережили. Ведь если ты в прекрасных отношениях с родными, то срок дают, по сути, не тебе, а им. Мать за два месяца похудела на 20 кг. От нервов. А однажды, когда она приехала к следователю, он ей выдал что-то вроде: «Да что вы волнуетесь, ваш сын там повесится уже скоро».

Родители ни на секунду не сомневались в моей невинности, как бы им ни пытались внушить обратное. Если бы не родители, не их яростная борьба за правду и справедливость, то я сам, наверное, не смог бы подготовить всех этих мыслимых и

немыслимых обращений, запросов по делу.

– Почему вас сразу не вытащили коллеги журналисты? Ведь Союз журналистов России заступился.

– Коллеги журналисты сразу не вытащили, потому что вообще узнали об этом лишь спустя год моего заточения. Родители тщательно скрывали от всех, что меня посадили. На телеканале я был человек новый, и, видимо, поэтому моего исчезновения никто не заметил. Даже от коллег по ивановскому ТВ (моя мама – корреспондент регионального филиала ВГТРК). Они думали, что меня обязательно оправдают, а всех «оборотней» посадят. Они просто не могли представить, что меня осудят. Мама до сих пор не может поверить, что суд работает по принципу презумпции ВИНОВНОСТИ (если тебя задержали, то считается, что ты априори виновен).

В общем, молчали о нашей ситуации год. Думали, пусть лучше все потом узнают об этой чудо-истории, которая со мной приключилась, уже когда меня освободят, а беспредельщиков в погонах накажут. И это было нашей главной ошибкой. Помню, когда освободили Ваню Голунова, я бегал по зоне и ликовал. А потом стало очень горько. Что сразу не вызвали резонанса и не попросили помощи у коллег.

«Я составил карту пыточных регионов»

– Какие СИЗО и колонии вы объехали? Что видели из того, что нам не показывают?

– Я прошел СИЗО в Ярославле и колонию в Ивановской области. В основном был в качестве этапника, а они самые бесправные. Помните, были громкие истории, когда в Ярославле людей избивали?

– Что лично с тобой произошло там?

– Меня завели в комнатуху, там столик дубовый, за ним оперативный сотрудник. И он начинает: «Надо сотрудничать с

администрацией, чтобы все хорошо у тебя было». И показывает журнал, мол, некоторые этапники уже расписались. Я ответил отказом. «Ты еще пожалеешь». Меня бросили в камеру, где все текло, бегали крысы. А те, кто согласился, попадали в хорошие условия. Но крысы и сырость – это ерунда.

Я видел людей, которые приезжали без ногтей на ногах. Помню, их, изможденных, привели к нам в камеру, а они смотрят на нас (мы чай пили, сидели на кроватях, читали) как зачарованные странники. Говорят: «Дайте, братцы, прилечь, пообщаемся позже». Потом рассказывали, что в одном изоляторе в каждой камере видео и если сотрудники увидят, что ты присел или прилег в период с 7 утра до 22.00 (можно садиться только на завтрак, обед и ужин), то забегают и бьют по заднице и ногам.

Я составил карту пыточных зон на основе анализа всего того, что узнал.

-- И какие регионы туда включил?

– Владимир (первое место по ужасам), Омск (второе место), дальше Красноярск, Тверь, Саратовская область, Алтай, Карелия, Киров, Калуга. Много рассказывали про изнасилования, которые практикуют. Я думал составить сборник страшных рассказов этих людей. И это не в Средневековье происходит, вся эта инквизиция, а в наши дни. Некоторые заключение готовы рассказать об этом публично, с доказательствами.

– Пока это все же просто слова. А как в колонии ты сидел?

– У нас в Ивановской ИК был порядок. Сотрудники лишнего не позволяли.

– Много видели в СИЗО и колонии наркоманов?

– Очень много. Со мной в камере сидело по 5–6 человек по 228-й статье УК. Это были в основном обычные наркоманы, у многих даже справки из ПНД или наркодиспансеров. И полицейские часто делали так, что ловили их во время сильных «ломок» и за дозу

они соглашались взять на себя чужие преступления – всякие мелкие кражи, например. Один старый рецидивист еще и нахваливал полицейских – оказывается, они ему дали уколиться (по его словам) прямо в кабинете в отделе. А он взял на себя несколько краж мобильных телефонов.

– Как будешь добиваться реабилитации? И будешь ли?

– Буду. Хотя понимаю, что это долгий и почти нереальный путь. Союз журналистов России мне помогает в этом. Вообще, если бы не поддержка СЖР, я не знаю, чем бы все закончилось. После освобождения меня взяли работать на государственный телеканал (это было бы невозможно, если бы я был наркоманом). Документальный фильм про меня снял коллега Дима Степанов при поддержке СЖР.

– С Ваней Голуновым подружился?

– Да, мы даже вместе выступали на Всероссийском журналистском форуме. Мы теперь эксперты по праву. Полицейские сделали из нас неплохих правозащитников.

Прошу считать эту публикацию официальным обращением в Генеральную прокуратуру РФ

на предмет пересмотра уголовного дела тележурналиста
Андрея Евгеньева.

Ева Меркачева